

ОБРАЗ СТРАДАЮЩЕГО РЕБЕНКА В ВОСПОМИНАНИЯХ БЫВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЗНИКОВ ФАШИЗМА

Казанцева Татьяна, ученица 9б класса
Научный руководитель учитель Филатова М.А.
МБОУ СОШ №108

Великая Отечественная война принесла много горя людям, но больше всего в ней пострадали дети. Ведь вместо любви, радости и детского счастья они видели лишь страдания и лишения. Теме военного детства посвящено множество литературных произведений, документальных и художественных фильмов. С замиранием сердца мы смотрим и читаем о том, как мужественно боролись с фашизмом взрослые и дети.

Тема работы родилась не случайно. В течение 2009-2010 учебного года старшеклассники нашей школы работали над сборником, в который вошли воспоминания бывших детей-узников фашистских концлагерей. Мы прочитали этот сборник и приняли участие во встречах с участниками тех событий. Нам стало интересно: как жилось детям в концлагерях? Какой образ ребенка мы найдем в этих воспоминаниях? Но, к сожалению, отдельные работы, посвященные исследованию воспоминаний детей-узников фашистских концлагерей, нами найдены не были. Этим определяется актуальность темы исследования.

Цель данной работы – выявить черты, создающие образ страдающего ребенка в текстах воспоминаний бывших малолетних узников.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. определить значение понятий *фашизм, концентрационный лагерь, страдание*;
2. проанализировать тексты воспоминаний бывших узников;
3. найти средства и приемы, которые создают образ страдающего ребенка в воспоминаниях.

Методы исследования: толкование слов, анализ художественного текста.

Источниками исследования послужили сборники «Шаг в бессмертие» и «Дети и война».

Исследовательская работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении определяется актуальность работы, названы основные методы и источники исследования, поставлена цель и задачи исследовательской работы.

Первая глава «О понятиях *фашизм, концентрационный лагерь, страдание*» посвящена рассмотрению данных понятий.

Во второй главе дается определение мемуарам как литературному жанру, исследуются основные средства создания образа страдающего ребенка в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников концлагерей.

В третьей главе анализируются выразительные средства языка, с помощью которых создается образ ребенка в текстах воспоминаний.

В заключении кратко сформулированы выводы, полученные в ходе исследования, определены перспективы дальнейшей работы по теме.

Работая с источниками, мы установили, что сегодня *фашизмом* называют любое политическое или общественное движение, которое основано на идеях расового неравенства, превосходства одной нации над другой [8].

Под концентрационным лагерем, сокращённо концлагерь (англ. concentration — сосредоточение, сбор) исследователи понимают термин, который обозначает специально оборудованный центр массового принудительного заключения и содержания следующих категорий граждан различных стран: военнопленных; политических заключенных; лиц, лишённых свободы (как правило, во внесудебном порядке); заложников, обычно во время

гражданских войн или оккупации; людей, предназначенных к ликвидации в лагерях уничтожения в нацистской Германии [3].

Обычно концлагеря и гетто создавались гитлеровцами на оккупированных территориях. Заключённых лишали фамилий, заменяя их номерами. И обычно этот номер был размещён на шее, лагерной одежде или же прямо на коже [4, с.54, 97]. Рабочий день продолжался 12-18 часов. В лагерях царила массовая смертность от голода, холода, непосильного труда, избиений и эпидемий. Регулярно проводилась «фильтрация» ослабевших узников. Расправы над заключёнными сопровождалась пытками и носили особо мучительный характер (сожжение или закапывание живых людей, травля их собаками, казни под музыку и т.п.). Неудивительно, что название концлагерей внушали ужас, а страдания узников начинались еще до того, как они попадали в их ворота [9].

По данным толкового словаря, **страдание** – это физическая или нравственная боль, мучение [6]. Следовательно, страдания бывают не только физическими, но и моральными, и они переживаются не легче, чем страдания тела.

В Аушвице, Бухенвальде и других лагерях над детьми ставились эксперименты. Чтобы создать идеальную расу, детям осветляли глаза и кожу. Чтобы истребить – вживую сдирали кожу (ее пускали на изготовление перчаток, абажуров и т.д.). Дети-узники были сырьём, донорами: так, в лагере Саласпилсе у физически истощенных детей брали не только кровь, но и кожу, органы для немецких солдат [4, с. 123, 129].

Маленькие дети не знали, что такое обычные детские радости. Они разучились смеяться и плакать, не только потому, что это не разрешалось, а потому, что у многих не хватало физических сил. У малышей не было игрушек: их отбирали при попадании в лагерь. Детей школьного возраста взрослые узники тайно обучали письму, чтению, арифметике, рассказывали о прежней жизни на родине.

Таким образом, малолетние узники каждую секунду испытывали страх, голод и холод. Они должны были привыкать к нечеловеческим условиям существования.

Мы исследовали образ ребенка в текстах воспоминаниях бывших узников фашизма. Мемуары (франц. *mémoires*, от лат. *memoria* — память) – это воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий. Основным источником сведений для М. являются воспоминания авторов о пережитом, но наряду с ними порой используются различная документация, дневники, письма, пресса и т.п. [2].

Одним из средств создания образа ребенка в текстах воспоминаний бывших малолетних узников является литературный **портрет**.

Мы обратили внимание на то, что в текстах присутствуют лишь самые общие описания детей и их внешнего вида: роста, возраста, одежды и пр. На наш взгляд, это связано с тем, что для маленьких узников самой главной задачей было выжить в тяжелых условиях, и у большинства из них не было сил на обычное детское любопытство. Кроме того, некоторые не смогли передать более подробный портрет, т.к. были в то время еще очень малы. Возможно, подробного портрета нет и потому, что все люди, попавшие в фашистский лагерь, были обезличены, лишены индивидуальности: они носили одинаковую одежду, были острижены наголо и отличались друг от друга только номерами. Наши наблюдения подтверждают такие цитаты:

«Одеты были в платья, полосатую куртку с личным номером и красным треугольником. Этот красный треугольник означал, что я политическая. На ногах деревянные туфли на босу ногу» [4, с. 114]

«Сняли все, что на нас было. Остригли наголо. <...> Потом дали рубашку и полосатое длинное платье каждой, колодки, чулки, как решето, по две веревки. Красный винкель и номер. С тех пор уже не имели ни имени, ни фамилии» [4, с. 97].

«Одна была высокая, другая среднего роста» [4, с. 99]

«Но среди пленных солдат был один молодой парень» [4, с. 75].

Но все же по существующим описаниям в изучаемых текстах мы можем создать общий портрет ребенка. Это изможденный непосильным трудом, голодом, холодом, болезнями и побоями маленький ЧЕЛОВЕК.

«Работа была ужасно тяжелая. Таскали, возили песок, уголь с места на место. Но тут никто не имел права жаловаться. Били за всё и все, кому не лень: и блоковая, и эсэсовки» [4, с.98].

«За это Сашу так избili дубинкой, что вся спина была в кровоподтеках» [9, с.59].

«За всякую провинность нас нещадно били, а иногда мы получали оплеухи просто так, авансом. Я на всю жизнь запомнил кожаную с вплетенной проволокой нагайку. После ее удара кожа на спине лопалась» [9, с.62- 63].

Фашисты одинаково относились к детям и взрослым, не испытывая сострадания и жалости.

«Выползали из помещения, рылись в земле. Что находили — тащили в рот. Поэтому и состояли из глистов, болячек и вшей» [4, с.15].

Испытывая постоянный голод, дети питались «подножным кормом», а из-за антисанитарных условий постоянно болели.

«У обмороженных людей, казалось, остались лишь кости да желтая кожа. <...> Ходить ни Валя, ни ее сестра не могли, ползали на коленках. Руки и ноги были обморожены» [4, с. 23-24].

Вторым средством создания образа страдающего ребёнка в воспоминаниях является **описание поступков**.

Даже находясь в концлагере, где человека не считали таковым, дети находили в себе силы совершать самоотверженные и героические поступки. Малолетним узникам было тяжело и мучительно идти наперекор фашистам, но многие не сдавались, а продолжали бороться, не жалея собственной жизни.

«Это ужасное чувство — стоять в строю и думать, какой ты по счету... Я была девятой, а Оля — десятой. Я решила её спасти, потому что у неё были живы родители. И сама сделала шаг вперед. Но охранник, который вел счёт, с силой толкнул меня обратно в строй. Олю всё равно забрали и увели на расстрел» [4, с. 66].

Также узники отстаивали идеи, важные для них.

«Праздник Октября 1944 года встретили по всем правилам. Хотя это было ночью. Собирали две недели маргарин, повидло, хлеб, картошку. Из этой продукции так был накрыт стол, что, пожалуй, в мирное время не сделать из настоящего сырья. Были торты, пирожные, лежали утки, гусь. Мы, малолетки, когда зашли, просто растерялись. Света и Юля сделали доклад, и мы пели на весь блок советские песни. Окружили блок эсэсовки, прибежала блоковая Гильда. Сыпали на нас проклятия и палки, а мы все пели. Выгнали всех из блока и поставили стоять. Штраф — лишили питания на два дня. Стояли лицом к колючей проволоке молча. Никто не просил пощады. Хотя утром упавших увели и унесли в рефир. Больше мы их не видели» [4, с.100].

Из приведенного фрагмента видно, что малолетние узники не побоялись отметить праздник по всем правилам: достали еду, приготовили доклад. На наш взгляд, этот фрагмент доказывает их желание бороться за жизнь в самых тяжелых обстоятельствах. И этот поступок является гимном человечеству.

Исследуя тексты воспоминаний, мы выявили их главные особенности — публицистичность и фактографичность. Авторы приводят факты, которые сами по себе настолько сильны, что подчиняют себе все языковые средства основной задаче: передать читателям ужас произошедшего.

Исходя из этой особенности, в текстах воспоминаний лексика употребляется в прямом значении. Кроме того, мы заметили, что художественно-выразительные средства в воспоминаниях используются, чтобы приблизить реалии жизни в концлагере к тому, что будет понятны нам. Чаще всего это достигается с помощью сравнений: *чулки, как решето; хлеб, как глина; загнали нас в барак, как свиней; остригли, как овец, наголо;*

военнопленных, тоже в полосатой одежде, сваливали, как дрова. Эти редкие сравнения не открывают нам предметы или явления с необычной стороны, а лишь подчёркивают, что к людям относились, как к животным или предметам. Поэтому эти сравнения так просты и вполне конкретны.

Также в текстах воспоминаний мы нашли эпитеты, которые позволяют создать образ ребёнка, передать его страдания и мучения: *потерявшиеся дети, истощённые до предела, 11-летняя щупленькая девочка*. Но стоит отметить, что их общее количество также невелико.

На наш взгляд, такое незначительное использование средств выразительности связано с особенностями жанра мемуаров. Ведь авторы воспоминаний не стремятся создать новый мир, наоборот, они стараются как можно более точно и подробно передать события, участниками или свидетелями которых они были.

Таким образом, было установлено, что основными средствами создания образа малолетнего узника являются портрет и описание поступков. Портреты детей, найденные нами в текстах воспоминаний разных людей, дублируют друг друга, поэтому создается общий образ ребенка, который страдает от физической и нравственной боли, голода и холода, непосильного труда и лишённого всех радостей детства. Но разве человек, переживший страдания, не становится более милосердным и способным на недетские поступки? А этому мы не раз находили подтверждение в исследуемых текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой справочник для школьников и поступающих в вузы/ Э.Л. Безносков, Е.Л. Ерохина. А.Б. Есин и др. — 2-е изд. — М.: Дрофа, 1999. — 592 с.
2. Большая советская энциклопедия
3. Википедия – универсальная энциклопедия (<http://ru.wikipedia.org/>)
4. Дети и война. Сборник воспоминаний. – Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2005. – 168 с.
5. Детство, опалённое войной (<http://www.memorial.krsk.ru/Work/>)
6. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 3 – 4- изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
7. Слесарная команда Равенсбрюка. Воспоминания заключённой №10787. М., 1985г.
8. Фашизм – (http://www.chtotakoe.info/articles/fashizm_390.html)
9. Шаг в бессмертие. – Красноярск, 2010. – 72 с.